

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы**

Hans Dibold

**ARZT IN
STALINGRAD**

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Ганс Дибольд

ВЫЖИТЬ
В СТАЛИНГРАДЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВОГО ВРАЧА

1943—1946

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94"1939/45"
ББК 63.3(0)62
Д44

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Д44 **Дибольд Г.** Выжить в Сталинграде. Воспоминания фронтового врача. 1943—1946 / Пер. с нем. А.Н. Анваера. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. — 220 с. — (За линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-521-73186-2

Свою книгу австрийский врач Ганс Дибольд начинает с рассказа о начале последнего крупного советского контрнаступления, в результате которого во круг немецкой армии в начале 1943 года было замкнуто железное кольцо окружения. По воле судьбы Дибольд оказался в печально знаменитой 6-й армии. Он остался вместе с самыми тяжелыми ранеными и больными, после того как всех остальных отправили в лагеря для военнопленных. В разгар русской зимы в ненадежных укрытиях немецкие врачи, несмотря на отсутствие оснащения, недостаток пищи и воды, боролись за жизнь своих больных. Дибольд не поддавался соблазну обвинить во всех ужасах и страданиях победителей, оставаясь предельно честным, и, не скупясь, он воздает должное сочувствию и помощи, которую русские врачи оказывали немецким пленным.

УДК 94"1939/45"
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-521-73186-2

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2013
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2013
© ЗАО «Центрполиграф», 2013

ВЫЖИТЬ В СТАЛИНГРАДЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВОГО ВРАЧА

1943—1946

Матерям посвящается...

Глава 1

ГОНЧАРА

В наши дни, когда человечество научилось расщеплять атом, народы наконец поняли, что великие блага, человечность, мир и страдание неразделимы. Всякая боль изливает в мир свой свет; с начала веков небеса вздрагивали от этой боли. Нет такого человека, который не чувствовал бы эту боль с каждым биением своего сердца. Один лишь Каин смог избежать этого чувства, чем навеки отлучил себя от людей.

Над степью витает его молчаливая тень. Белый снежный покров давно утратил свой зимний блеск. Разорвавшиеся артиллерийские снаряды испятнали снег грязными воронками. Над головой висит смрадный дымный туман. В тумане одиноко гудит мотор заблудившегося транспортного самолета.

Стены идущего вправо хода сообщения зияют коричневыми отвалами замерзшей земли — это входы в *бункеры*.

В «крепости Сталинград» бункерами называли кое-как вырытые в земле ямы, в которых солдаты жили, мерзли, голодали, мучились, грезили и надеялись. Отсюда они, повинувшись приказам, шли сражаться и умирать.

Однажды утром двое из нас прошли по ходу сообщения в штабной бункер 131-го полка.

— Лейтенант Келлер, — представил нам ординарец худого офицера и добавил: — Его отец был генералом царской армии.

На Келлере были грубые сапоги и коричневая форма румынской армии. Рота Келлера была почти полностью уничтожена, и ему самому едва ли осталось долго жить.

Слева, откуда-то из темноты, раздался голос:

— Подойдите ко мне!

Это оказался мускулистый великан, полковой врач, мой земляк. Нога его была разорвана в клочья. Позже он умер на руках своего командира. Командиру, впрочем, было не до нас — он отправился выяснять, сколько у него раненых.

В это время началась русская атака. Командир говорил по одному из полевых телефонов с командным пунктом батальона Хайдера, на участок которого было направлено острие атаки. На проводе был адъютант генерала подполковник Ратке.

— Господин подполковник, нужны танки на участок батальона Хайдера.

Между нами и колхозной фермой, огибая позицию батальона промчался советский танк Т-34.

— Летит, как бешеный осел, — меланхолично произнес Лемп.

Командир мрачно рассмеялся.

— Черт возьми, генерал сейчас как раз на этой ферме. Если бы русские знали!

Он снова заговорил в трубку телефона.

— Господин подполковник, генерал отрезан на ферме. Когда подойдут танки?

Полковой телефонист повторил доклад батальона Хайдера:

— Положение тяжелое...

— Что это значит? — спросил ординарец. — Хайдер всегда толково докладывает обстановку, а Фехтер очень надежно поддерживает связь.

Однако связи с батальоном Хайдера больше не было. Ординарец протянул мне сигарету. Я много лет не курил, но затянулся едким дымом. Тем временем обер-лейтенант Лемп вылез на крышу землянки и, оценив обстановку, вернулся назад.

— На участке 134-го полка русские атакуют с огнеметами.

Позиции 134-го полка примыкали с юга к позиции батальона Хайдера. Телефон ожил.

— Положение улучшилось, на позициях 134-го нужны танки.

Рапорт был передан подполковнику Ратке.

Мы смотрели на раскинувшуюся к юго-западу заснеженную, укрытую темным туманом степь.

— Приготовиться к обороне, — приказал командир полка.

Решалась судьба батальона Шида 134-го пехотного горнострелкового полка. Солдаты яростно отстреливались из огневых ячеек. На участок батальона с запада наступала сотня русских танков с пехотой на броне. Пехота шла и под прикрытием танков. Жерла пушек похожих на гигантские ящики чудовищ изрыгали алое пламя и клубы черного дыма, окутавшего стрелковые ячейки оборонявшихся среди обледеневшей степи.

Наконец подоспели немецкие танки. Русская атака была отбита. Один только командирский русский танк продолжал упрямо нестись на восток, пока его не подбили огнем зенитных пушек.

Тело Шида нашли и похоронили на окраине Бабурки. Есть обычай писать на памятнике дату и место рождения, а потом дату смерти: Шида родился в Крумнуссбауме. Там, недалеко от Крумнус-

сбаума и Готтсдорфа, течение Дуная упирается в насыпь Западной железной дороги. Это величественное зрелище видят все, кто едет на поезде из Парижа в Вену.

Глядя на эту картину, понимаешь, что время — всего лишь плод человеческой фантазии, а пространство — предмет детских игр: дунайские волны неистово пляшут вокруг прибрежных камней и, бурля, сверкающим, как исполинская стая серебристых рыб, потоком устремляются мимо Зейзенштейна. Там они нежной рябью ложатся на берег, пузырясь, огибают валуны, а если нырнуть, то можно услышать песню, которую Дунай поет песку — высокую, томительную, затихающую вдали скрипичную мелодию. Там родился Шида, но смерть он встретил здесь, между Доном и Волгой.

В сводках вермахта говорится о беспрецедентном героизме венского батальона — другими словами, это значит, что он был уничтожен. Приказ генерала о победоносной обороне означает, что у нас будет несколько дней затишья.

Итак, мы снова отправились на позиции, выяснять, что могут сделать для раненых врачи. В окопах лежат коричневые бугорки — тела убитых русских солдат. Над краем окопа — угловатый и мрачный — нависает остов подбитого вражеского танка. Мимо свистит шальная пуля. Стоит невообразимая тишина.

Находим капитана Хайдера. Над командным пунктом свисает гусеница застывшего русского танка.

«Он въехал буквально нам на голову — на накат командного пункта; мы заползли под стол, ожидая, что вот-вот к нам покатятся ручные гранаты. Танк проехал еще несколько метров и остановился. В это время наши снова стали стрелять. Танк соскользнул назад и остановился; он был подбит. Мы вздохнули